

В. КУЛЕШОВ,

доктор
филологических наук

А БЫЛО ЛИ «ТЕМНОЕ ЦАРСТВО»?

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ
ЗАМЕТКИ

ПО ПРАВДЕ говоря, книга М. Лобанова об А. Н. Островском волнует меня в связи с тем, что у некоторых литературоведов в последнее время наметилось какое-то, я бы сказал, упрощенное, крайне одностороннее, тенденциозное понимание некоторых сложных и противоречивых моментов отечественной истории, культуры, недооценка подлинно исторического, социального подхода к отдельным явлениям и лицам.

Книгу М. Лобанова один из рецензентов уже поспешил провозгласить новаторской, утверждая, что автор имеет «ясное понимание нравственного и духовного» содержания русской литературы и «принципиально по-новому рассматривает духовную связь драматурга с жизнью народа», «служение идеалу». Что же это за новизна? Что за служение? Что за идеалы?

Понимаю, что серия ЖЗЛ, в которой вышла книга М. Лобанова, — серия беллетризованных биографий: тут и факты, и домысливание, тут живость и занимательность. Скажу искренне, автор, безусловно, талантлив. Слугу его можно позавидовать. Многие рассуждения интересны, есть места просто отличные. Признаю я и право за ним на свою компоновку материала: о чем автор скажет меньше, о чем-то больше. Есть, конечно, и право каждого на свое видение предмета. Но есть и обязательства перед предметом, перед исторической достоверностью. Ведь в основе и популярного очерка должна лежать строгая наука, а не прихотливое смещение представлений. Это — дело ответственное. Да еще и тираж книги сто тысяч. Тут перехват целого поколения читателей. События ли мы его с толку или наставим на путь истинный? Предложим ли мы ему подлинного Островского или только лишь свое толкование?.. Вот ведь в чем главный вопрос.

Самое неприемлемое место в книге М. Лобанова связано с оценкой «Грозы», образа Катерины и статей Добролюбова.

Затушевывая самодурство Дикого и Кабанихи, которых, как оказывается, никто в Калинове не боится и даже может прибрать к рукам и уж во всяком случае обвести и прилупить, а сами они, не чуждые людских слабостей, лишь для проформы держатся домохозяйки. М. Лобанов подводит читателей к более чем странной мысли, что никакого «темного царства» и не было. «Темное царство» придумал Добролюбов. К такому утверждению М. Лобанов приходит издалека, с первых страниц книги, с восторженно-го анализа пьесы «Не в свои сани не садись», восхитившись «коренным русским мирозерцанием» Русакова и Бородинки у М. Лобанова и Большова в «Своих людях — сочтемся!» не самодур, а только неудачливый хитрец, угловатый в долговую яму. А что весь дом дрожит от его «кндрэва», а жена, Аграфена Кондратьевна, от шагов его вздрагивает и плети не раз отведала — это все, дескать, семейные мелочи, это не уклад. И Катерина — вовсе не «луч света». Это тоже якобы придумка просветителя Добролюбова. Вот что сказано в книге: «Трагедия Катерины не столько в «разбитой любви», в «попытке лучшей жизни с нелюбимым мужем, с властной свекровью, сколько в той внутренней бесперспективности, когда обнаруживается невозможность найти себя в «новой морали» и будущее оказывается закрытым». В трагедии Катерины, оказывается, как раз просветительство-то и было виновато. И вот каким, по М. Лобанову, образом. Путь Варвары для Катерины невозможен. Что могла предложить ей Вар-

вара? Катерина родилась в «переходную» эпоху, выпала из времени: от старого оттолкнулась, а к новому не пристала. И дальше идет, скажем прямо, глумливый рассказ о новых любовях, по Жорж Санд, у разных там «новых людей»: Шелгуновых, Катерины Майковой с Ф. Любимовым, матери В. Гаршина и проч., и проч. А ведь главное в трагедии Катерины: по-старому в «темном царстве» жить невозможно. Что ж из того, что новые отношения складывались мудрено, со срывами? Ведь ринулись же новые поколения к любви по выбору, по велению сердца. Это главное. Эмансипацию не затопчешь неудачным опытом слепцовской коммуны, она тысячами ручейков пробивала себе дорогу. Вопрос куда сложнее, чем это представляется М. Лобанову.

А Добролюбов? Как он видится М. Лобанову? То через цитату из Достоевского критик хочет дать понять, что это «кабинетный мыслитель», то, играя на одной струне его просветительства, суживает широту его взглядов, забывая, что Добролюбов был еще и революционным демократом, и опирался не только на «мнения» людей, но и заглядывал в экономические первопринципы мнений, доказывая, что самодурство держится на «тогдашней мошнэ», а безответность слабых — на зависимости от Тит Титычей, которые безответных «с малолетства заколотили очень». А Добролюбов, говоря и о представителях «темного царства», подчеркивал, что Островский не просто певец Замоскворечья, не одно самодурство далось ему в руки: он воспроизводил общечеловеческие типы, он гений, умеющий «заглядывать в глубь души человека», а не просто бытописатель. И судья Катерины для Добролюбова — часть великого процесса эмансипации, который в своих формах захватил и народную толщу. Как ни горько самоубийство Катерины, сколь «неразумна развязка», но ее протест «производит... впечатление освежающее».

От этого странного эпизода книги волнами расходятся и другие искажения и перекосы исторической правды. Шевырев и Погодин, пишет М. Лобанов, в тенетах которых оказались младомосквитяницы (Островский, А. Григорьев, Т. Филиппов, Алмазов), «имели репутацию консерваторов». Только одна проходная фраза. Но возникает вопрос: были ли они консерваторами на самом деле? Сколь основательна такая репутация? Фраза явно написана для возможных оппонентов. В книге же Погодин выведен добрым, хотя и лукавым стариком, целиком погруженным в «духовно-нравственное созерцание», в русскую старину, а о том, что он был угодником самодержавия, о реакционном в его воззрениях — об этом М. Лобанов молчит. И Шевырев — собиратель вокруг себя молодежи, его лекции восхищают, а вот Грановский, лекции которого слушал Островский, внимал им всем сердцем, лишь сколько-нибудь упомянут в книге, для проформы. Благодаренькиими апостолами, стоящими одесную и ошуюю Островского, выведены в книге Погодин и Шевырев. Все же сложное, противоречивое, что было в них, что точно вымерено в науке, определено, в книге отброшено.

Облик А. Григорьева обрисовать трудно: человек был сумбурен, противоречив, необычайно талантлив. Но и на него должны распространяться законы исследовательского детерминизма. А у М. Лобанова много о нем выпранных фраз, много живописания и мало логического раскрытия.

На 128-й стр. в лоб сталкиваются Григорьев и Добролюбов в оценке Островского: односторонне представленный Добролюбов, который якобы ключом к Островскому считал выведенное им самодурство, и

превознесенный Григорьев, который таким ключом считал «народность». Но в понимании народности Григорьевым проступала ведь и романтизированная патриархальная Русь. А отмечавшийся Добролюбовым обличительный пафос у Островского — это ли не выражение народности драматурга? Словом, механизм этих понятий в книге М. Лобанова работает плохо. В его представлении к русскому мирозерцанию не имеют никакого отношения ни освободительное движение, ни подлинные философские искания русских передовых мыслителей, и сглаживаются диссонансы и противоречия русского исторического развития.

Какими, я бы сказал, упрощенными, шаржированными выведены «западники» и истинно великие деятели революционной России — Герцен, Чернышевский, Писарев! Выбитым из седла показан Герцен, в лондонской квартире которого появились Островский и его спутники: эдакий барин-чудачок, заботящийся о своем остроумии, которому нечего предложить собеседникам по части духовной пищи. Изгоями, молчаливыми за столом у Некрасова, выведены главные соратники великого поэта по «Современнику». А ведь на страницах этого журнала именно они сказали главные слова об Островском, «открыли» его для всей читающей России, повели борьбу за Островского, чтобы теснее связать великого драматурга с демократическим движением России, с критическим реализмом русской литературы. Так можно ли было не показать в книге Островского — писателя-демократа, для которого «Современник», а потом и «Отечественные записки» все того же Некрасова, имели великое значение в творческом становлении? Автор же книги «коснулся до всего слегка», предпочтя, прямо скажем, москвитянинскую интерпретацию Островского.

Да, не в чести демократы в книге. Даже в приложенных фотопортретах современников не нашлось места Добролюбову.

Перед нами не собственно даже биография, а житие Островского. Сначала — на Малой Ордынке, потом — в Николаево-Воробьевском переулке, позднее — на Пречистенке против храма Христа Спасителя и в Шелыкове. Разобраны только две пьесы — «Не в свои сани не садись» и «Гроза». Все остальное дано пробегом, перечнем. Все время перебивают повествование вставные очерки-развороты о различных лицах, вторгающихся в биографию Островского. Но мало о творчестве, мало об Островском как драматурге. Почему? На этот счет у автора своя концепция, даже целая философия, она подытожена на 373-й стр.: «Неисповедимы пути людские... дело не в писательстве, не в пьесах и не в службе, а в жизни человеческой: как прожил ее и чиста ли совесть?». Но ведь жизнь великого писателя прежде всего в его творчестве. В нем и его совесть.

Островский — драматург, мыслитель, гражданин выведен в книге М. Лобанова как нечто застывшее, замкнувшееся в себе, а ведь Островский был искателем, был гоним, запрещаем: драматургия его динамична и обращена в будущее. В житийном же складе книги все это или не звучит, или обойдено вовсе.

Нет, «новизна» подхода М. Лобанова к творчеству Островского сомнительна, идеалы великого русского писателя должным образом не раскрыты, масштаб его личности занижен. Утерян стержень понимания главного, а главное — все же в статьях Добролюбова и для того, и для нашего времени. Статьях, истолкованных М. Лобановым, мягко скажем, тенденциозно.

Да, многое в книге М. Лобанова внушает опасение, сигнализирует о явно тревожных тенденциях в нашем сегодняшнем литературоведении.